

15 ЯНВ 1972

г. Москва

Газета №

Ни один иноязычный народ не создал Мольеру такой громкой славы, как народ русский, ни один народ не может сослаться на более постоянное преклонение перед его гением и его творчеством.

Французский ученый
Патуйе.

Эти строки пишутся за несколько часов до того, как в театре имени Евг. Вахтангова откроется занавес мольеровского спектакля «Мещанин во дворянстве». Через несколько часов в очередной раз я выйду на сцену в образе Журдена, но волнуюсь при этом ничуть не меньше, чем в дни премьеры. Впрочем, если быть до конца честным, надо признаться, что всякий раз мое волнение перед спектаклем о злоключениях несчастного

КАК ГЕНИЙ ОН ЗНАЕТ ВСЕ

обывателя, который наивно принимает чужую моду за признаки прогресса, граничит с тревогой самого серьезного толка: никогда не могу сказать с уверенностью, удастся ли мне выдержать дьявольский темп и высокую температуру, предполагаемые не только постановкой режиссера Владимира Шлезингера, но и самим стилем и духом драматургии Жана Батиста Мольера.

Этот человек, многосторонне одаренный — актер, драматург, организатор театральных трупп, — противоречивый, со светской маской придворного актера и с душой простолюдина, — кажется мне удивительно современным, несмотря на три с половиной века, которые отделяют день его рождения от сегодняшнего дня. Его драматургия столь же многогранна и так же неповторима в каждом отдельно взятом произведении, как неповторим был сам Мольер в разные периоды своей жизни. Драматург на редкость плодовитый, он, мне думается, тем и современен, что удивительно народен. На собственном опыте я убедился в том, что комедии Мольера невозможно играть в ключе близкого нам по духу так называемого «интеллектуального театра».

Буквально с первых же реплик приходится активно «атаковать» зрительный зал, находясь в непрерывном напряжении, эмоциональном и физическом.

В мольеровском спектакле особенно важно, чтобы все играло линию пьесы, не солируя в своей роли. Я знаю это по «Мещанину во дворянстве», но уверен, что точно так следует играть вершину мольеровского творчества — комедию о Гартиофе, «Мнимого больного», «Проделки Скапена», «Мизантропа», словом, все, что вышло из-под пера великого французского комедиографа.

На русской и советской сцене встречи с драматургией Мольера всегда были желанны и радостны. Мольеровские герои входили в репертуар лучших актеров страны, в столицы и провинции дореволюционной России, щедрую дань его творчеству в разные годы жизни отдал великий К. С. Станиславский в ролях Скапена, Жоржа Дандена, мнимого больного Аргана, в постановке «Гартиофа». «Мольер... описывает то, что видел и знает. Но как гений он знает все», — говорил о нем Станиславский. Почти все театры Советского Союза так

или иначе обращались к Мольеру — либо к его собственным творениям, либо к великопейной пьесе Михаила Булгакова о жизни Мольера.

При всей внешней забавности, изяществе, искрометности диалогов, острых и, казалось бы, зрелищно выгодных сюжетных положениях мольеровскую драматургию весьма не просто воплотить. Всякая попытка увидеть даже в самом, «вульгарно» говоря, отрицательном персонаже Мольера злодея, на мой взгляд, обречена на провал. Жан-Батист Мольер был художником-гуманистом, и искусство его, при всей хлесткости обличений, доведенных до гротеска, всегда несет в себе заряд праздничности, радости, доброго отношения к человеку.

Я, например, играю Журдена не злодеем, а жертвой. Он проигрывает жизнь по причине крайней своей необразованности, полного отсутствия способности ориентироваться во времени и во взаимоотношениях людей вокруг него. Он наивен, а наивный человек не может быть сознательным подлецом. Мне кажется, что от такого взгляда на мольеровских персонажей лишь обострится обличительная сторона

комедии: мы обвиняем не частное лицо, а целое явление, что, конечно, неизмеримо дороже в диалоге театра со зрителем.

Отмечая 350-летие со дня рождения великого драматурга, мы чтим в нем и переводного деятеля культуры Франции, сумевшего противопоставить силу искусства аристократии и духовенству своего времени, и большого актера, который скончался почти на сцене, сразу же после исполнения роли Аргана в своей комедии о мнимом больном, и реформатора комедиографии, оказавшего влияние на театр и драматургию многих стран Европы.

Мольер принадлежит всему культурному человечеству. Жан Луи Барро, выдающийся режиссер и актер современной Франции, выступая перед английской публикой, заметил однажды, что Шекспир ценен прежде всего своей интернациональностью, что он может быть и французским, и итальянским — не только английским Шекспиром. Совершенно то же можно сказать о Мольере. Не случайно именно его комедия «Лекарь поневоле» была представлена в тереме царевны Софьи, старшей сестры Петра Первого, еще в XVII веке. Это было первое явление «русского Мольера», который почти три века находит признательных зрителей на российской земле.

Владимир ЭТУШ,
народный артист РСФСР.